

ГЛАВА I. ОСНОВЫ ЕВРОПЕЙСКОЙ ПОЛИТИКИ ВЕЛИКОБРИТАНИИ В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ ТРИДЦАТЫХ ГОДОВ

§ I. Внутренние детерминанты британской политики мира

Мир – ключевое понятие политики правящих кругов Великобритании межвоенного двадцатилетия, включая европейскую. Принцип жизненной заинтересованности страны – мировой державы – в сохранении мира последовательно проводился не только в официальных заявлениях консервативных и лейбористских кабинетов, но и в предназначенных для внутреннего пользования материалах правительственных ведомств, что важнее всего, подтверждается британской политикой рассматриваемого периода.

Наиболее очевидно заинтересованность господствующего класса в международной стабильности проявилась в области хозяйства. Главная тенденция экономического развития Великобритании того времени хорошо запечатлена его знатоком А. Зигфридом: "Великобритания напоминает сейчас, – писал он в 1930 г. – крепкую старинную семью промышленников: принадлежащий ей завод пришел в упадок, но огромное богатство, накопленное ею, вложено в другие верные предприятия; не надо судить по оборудованию, послужившему орудием первоначального обогащения семьи, теперь не оно является источником ее богатства и могущества" (1)¹. В первой половине тридцатых годов экономические интересы истэблшмента продолжала отличать ориентация на внешние рынки сырья, приложения капитала и рабочей силы. Первая мировая война обнажила кризисные процессы в Британской империи, но одновременно привела к расширению ее фактических пределов: более половины подмандатных Лиге наций территорий было

передано Англии и ее доминионам /113–28/. "Мы получили все, чего желали, возможно, даже более, – отмечалось в докладе правительству чемберленовского Форин Офис в 1926 г. – Наша единственная цель состоит в том, чтобы удержать то, чем мы располагаем, и жить в мире" /319–27; 287–52/.

Если мировая война продемонстрировала стратегическую важность обладания имперскими ресурсами, то последующее десятилетие вялого хозяйственного роста и мировой экономической кризис – их важность для поддержания национальной промышленности и прибыли по накопленному материалу. К 1936 г. частные к государственным долгосрочные инвестиции Великобритании достигли 5,5 млрд ф.ст., 3,2 из которых приходилось на ее доминионы, колонии и мандатные территории. Размещение капитала в Империи было крайне неравномерным: вложения в Индию превышали 1 млрд ф.ст., за нею следовали Канада и ЮАС. Другой важнейшей сферой инвестирования оставалась Южная Америка. Несмотря на потрясения мирохозяйственных связей, доходы от английских инвестиций с 1933 г. демонстрировали устойчивую тенденцию роста (не достигая, впрочем, предкризисного уровня). Если доля помещенного в Империю капитала составляла около 3/5 заграничных инвестиций, то платежи по ним обеспечивались поступлениями из имперских стран на 3/4 /200–90-119, 128/ (2).

Возможности экономического развития в рамках империи, отмечалось в полуофициальной британской публикации тех лет, "практически неограниченны": "Империя способна эффективно поглотить весь капитал, который мы способны создать" /130–167/.

Сходные тенденции проявились и в торговых связях Англии с остальным миром. На протяжении тридцатых годов соотношение объемов внешней торговли и валового национального продукта Соединенного королевства продолжало меняться в пользу последнего. Тем не менее, к 1938 г. экспорт английских товаров составлял 15% валового

продукта, а импорт даже несколько превышал этот показатель /362–340/. Сопоставление

¹ Здесь и в дальнейшем цифры обозначают ссылку на Приложение (по главам).

размеров ввоза с численностью населения Великобритании указывает на рост зависимости страны от импорта сырья и продовольствия².

По сравнению с 1929 г. оборот внешней торговли Англии упал к 1933 г. до 39,6 %, в последующее пятилетие возрос до 48,1% от предкризисного уровня. Роль Англии в мировой торговле окрепла, в начале тридцатых годов в условиях быстрого отступления США с внешних рынков страна вновь заняла в ней лидирующее место /220–308-309/. Во многом этому способствовало обладание Англией имперскими рынками, значимость которых в те годы возросла³. Экспорт товаров, произведенных в Великобритании, в ее доминионы к колонии к 1937 г. поднялся до 76,9 % от уровня 1929 г. /220–291,304/. Этот процесс логично вписывался в обрисованную в конце XIX в. тенденцию концентрации британской торговли в имперские страны /114-289/. Одновременно продолжала снижаться доля торговли с Англией в обороте доминионов /109–13; 214–361; 220–290, 304/. К концу двадцатых годов рост тарифных ограничений на британский вывоз происходил преимущественно внутри самой Империи /130–167/.

Взаимопересечение этих тенденций ("имперской" и "центробежной") было драматичным для переживавшей нелегкие времена национальной экономики: по мере роста значимости для Англии главных имперских владений в качестве рынков сбыта исчезало превосходство на них метрополии. На имперской экономической конференции в

— 19 —

Оттаве в августе 1932 г. Лондон добился принятия мер, призванных приостановить, если не переломить, этот процесс. Современные историки скептически оценивают эффективность введенной Оттавой системы имперских преференций **(3)**, акцентируя внимание на качественном проигрыше при малом количественном выигрыше для национальной экономики **(4)**. Позднейшие оценки, разумеется, не могли повлиять на воззрения лидеров "национального правительства" Макдональда-Болдуина, считавших решения 1932 г. (при всей их недостаточности) исторической вехой /325–111-113/. "Истинная ценность Оттавы состоит в том, что Империя родилась заново", – темпераментно утверждал канцлер казначейства Н. Чемберлен в начале 1933 г. /143–84/. Одновременно продолжалось отступление Англии с европейского рынка и прежде всего из Восточной Европы /315–319-321/ **(5)**. Логика экономического развития, таким образом, диктовала правящим кругам Великобритании в начале тридцатых годов курс на сохранение и упрочение имперских связей. Он явственно прослеживается в решениях имперских конференций двадцатых годов и принятии Вестминстерского статуса 1931 г., которым признавалась реальная независимость доминионов от Короны и парламента. Принятие статуса, однако, возлагало на доминионы скорее символическую ответственность за собственную оборону. Система имперской обороны, констатировала публикация Чэттемхауза, "основана не столько на совместных усилиях, сколько на централизации", и "по отношению к богатству или населению Соединенное королевство принимает на себя исключительно высокую долю расходов и ответственности, в то время как большинство доминионов... более или менее открыто опирается на его помощь в обороне" /99–237/. Лидер консервативной партии С. Болдуин мог с гордостью указать, что, благодаря отказу от конфронтации и ослаблению "формальных уз союза с великими доминионами", "Британская империя продемонстрировала ... способность усваивать уроки судеб великих империй прошлого" /31–26/.

— 20 —

Но "огромная внутренняя метаморфоза" (как выразился А. Тойнби) "превращающейся в Содружество Империи", долженствующая укрепить мировые позиции Лондона, была далека от завершения, что придавало всему организму неустойчивость к внешним воздействиям /142— 2 — 451)

² Стоимость импорта на душу населения увеличилась с 15 ф.ст. 2 шил. в 1910 г. до 19 ф.ст. 8 шил. в 1938 г. /214-358-359/.

³ Размеры доли имперских стран во внешней торговле Англии не вполне ясны, но явно превышали половину оборота /214-359; 220-306/.

Задача защиты имперских владений и позиции Великобритании в Азии до середины тридцатых годов во многом определяла ее отношение к Советской России /316–91/. "Англия находится в постоянном страхе перед нашим влиянием на положение в колониях, и в наших отношениях с Англией мало таких элементов, которые могли бы парализовать влияние этого страха", – признавая журнал "Большевик" в 1933 г. /119–45/4. В первой половине тридцатых годов главным противником Великобритании в Азии, несомненно, стала Япония (6), угроза которой оценивалась весьма серьезно. "Вся наша территория на Дальнем Востоке, как и береговая линия Индии и доминионов, наши обширные торговля и судоходство открыты нападению", – предостерегали правительство начальники штабов вооруженных сил в марте 1932 г. Опасение прямой агрессии сливалось с предположением, что вторжение японцев в страны, не являющиеся даже владениями империи, пробудит у туземного населения последних желание сбросить с белого человека его бремя /221–98/5.

— 21 —

Главные внешнеэкономические интересы Великобритании, игравшие определяющую роль для правящего класса"6, в первой половине тридцатых годов фокусировались на странах империи. Приведенные факты подталкивают к выводу, что на устроении и защите, стабильности далеких рынков, обеспечивающих британскому капиталу основные условия функционирования, должны были сосредоточиться и первостепенные внешнеполитические заботы руководителей страны.

Именно так – роковым для себя образом – считал Гитлер. Развивая во "Второй книге" (1928) положения "Майн Кампф", он отвергал предположение, что Англия явится непреодолимой преградой германской гегемонии в Европе, ибо "в действительности Англия очень мало озабочена положением в Европе, поскольку оно не ведет к появлению соперника общемирового масштаба; угроза всегда виделась ей в таком развитии, при котором заморские доминионы и колонии могут оказаться отрезанными от нее". "Если Англия сохранит верность своим великим мировым целям, ее потенциальными противниками явятся Франция и Россия", – полагал Гитлер /18–502/7.

Сходным образом воспринимали основные внешнеполитические интересы Великобритании Сталин и часть его окружения. Особенно четко этот подход проявился в публикациях института мирового хозяйства и мировой политики, руководимого Е.С.Варгой. Утверждение, что заокеанские интересы английской буржуазии... перевешивают ее интересы на континенте", приводило его к выводу о неизбежности

— 21 —

англо-американской войны /95–136/8. "Основным в лагере империалистов является англо-американское противоречие", – подтверждалось в резолюции VII конгресса Коммунистического Интернационала /16–363/. Направленность политики Англии в Европе характеризовалась в ней как антифранцузская, антисоветская и прогерманская /Там же/. Та же специфическая логика определяла посвященный Великобритании раздел доклада Д.З. Мануильского на XVII Съезде ВКП(б) годом ранее /17–307/ (7).

Действительно, восприятие внешнеполитических приоритетов как непосредственного выражения экономических выгод было не чуждо британским политикам. Оно, однако, во-

⁴ См. также: /83-1932, 10-51/.

⁵ Вспомнить этот популярный образ, может быть, уместно: его создатель – двоюродный брат лидера страны С.Болдуина. Особенно отчетливо опасения волнений зависимых от Англии народов проявились в связи с итало-эфиопским конфликтом в 1935 г. /11, 13–432-433; I, 304–2901; 5, 18–457/.

⁶ Советские и британские исследователи солидарны во мнении, что ведущую роль в формировании политики Англии тех лет играли именно финансовые (а не промышленные) круги.

⁷ См. также: /68–124/.

⁸ О согласии Сталина с оценками Варги и оказывавшейся ему поддержке в те годы см.: /82–1989, 10–22-23; 160–352/.

зобладало лишь в ограниченных кругах истеблишмента. Их позиция отразилась в нечетких концепциях "изоляционизма" и "нового империализма". Главным парламентским оратором изоляционистов с 1933 г. выступал бывший министр колоний консерватор Л.Эмери. Кампанию за дальнейшее ограничение европейских обязательств Англии и ее сближение с доминионами и Соединенными штатами развернули "газетные лорды" Ротермир и канадец Бивербрук. Контролируемые ими "народные газеты" доходили до призывов к отказу Соединенного королевства от членства в Лиге наций и Локарнского договора /188–345/.

Основополагающая идея изоляционизма состояла в том, что любые захватнические действия Германии на континенте, включая овладение Францией, не создадут реальной угрозы ни экономическим интересам, ни национальной безопасности Британии /188–349/. Впрочем, и это показательно, изоляционисты апеллировали прежде всего не к разуму, а к имперским инстинктам и национальному эгоизму встревоженной английской аудитории. Сторонники этой ориентации

— 23 —

к середине тридцатых годов находились в положении политических аутсайдеров. Они могли опереться лишь на немногих депутатов парламента (8). В отношениях Ротермира и Бивербрука, возглавивших в 1930-1931 гг. мятеж в рядах тори, с Болдуином царила неприкрытая враждебность /36–347; 162–155-161/. Слабость политических позиций изоляционистов и резкость их высказываний, думается, взаимно обуславливали друг друга (9).

Более прочным было положение "неоимпериалистов". Этот термин был применен Д. К. Уаттом для характеристики аморфной надпартийной группировки, возглавляемой редактором "Таймс" Дж. Доусоном и лордом Лотианом (в недавнем прошлом – ближайших помощников Болдуина и Ллойд-Джорджа соответственно). Ее члены имели прямой доступ в правительственные сферы и поддерживали дружеские контакты с высокими комиссарами Канады В. Масси и ЮАС генералом Я. Смэтсом /374–161/ (10). "Неоимпериалисты были настроены более трезво, нежели изоляционистское течение, и не отрицали необходимости проведения Англией позитивной европейской политики. С изоляционистами их сближала убежденность в примате имперских интересов во внешней политике страны.

Позиция этих представителей правящего класса и политической элиты, как и оценки британских внешнеполитических интересов Берлином и Москвой, основывались, однако, не только на реальных процессах, но и на игнорировании нескольких фундаментальных факторов.

Британская империя ни на практике, ни в представлениях Уайтхолла не представляла той целостности, все части которой были бы действительно ценными для Лондона и за которые он был бы готов нести равную ответственность⁹. С политико-правовой точки зрения Вестминстерский статут окончательно диверсифицировал степень ответственности Англии перед своими владениями и контроля над ними. Для хозяйственного и стратеги-

— 24 — ческого положения метрополии важнейшими становились те из них, которые, "нарастая вокруг Индийского океана" после первой мировой войны, "начали сливаться между собой, образуя своего рода обширнейшую "Империю Индийского океана"" /107–178/. Заинтересованность английского капитала в африканских (в особенности ранее принадлежащих Германии) колониях была, напротив, невелика, если не ничтожна /200–76-77/. Частью своих владений и торговых преимуществ Великобритания могла пожертвовать без ущерба для своих коренных интересов¹⁰. С другой стороны, экономическими интересами Англии в

⁹ Если современный историк А.Клэйтон все же рассматривает Империю сквозь призму органично-единой сверхдержавы /277–514/, то его подход объясняется не столько рациональной аргументацией, сколько нескрываемой ностальгией по эпохе Георга V.

¹⁰ Это признает и А. Клэйтон /277–515/. Так, в знаменитой речи С.Хора 11 сентября 1935 г. в Женеве был поставлен вопрос о доступе к рынкам колоний для государств, ими не располагавших. Официальный характер этого предложения был подтвержден главой правительства /31-334/.

Европе невозможно было вовсе пренебрегать. Британские инвестиции на континенте в середине десятилетия составляли около 375 млн ф.ст. – больше, чем во всей зарубежной Азии, и почти столько же, сколько в Южно-Африканском Союзе /200–81-84, 119/. В первой половине тридцатых годов английское участие в торговле Северной Европы возросло, а Восточной Европы – оставалось заметным /96–33,150; 220–307; 315–175-176/. В наибольшей степени континентальные рынки интересовали хозяев тяжелой промышленности /254–236/¹¹. "В то время как преобладающая часть Федерации британской

— 25 —

промышленности благожелательно смотрит на сотрудничество с Японией, – писал тогда осведомленный обозреватель, – она с некоторым беспокойством взирает на возрастающую экономическую угрозу Германии" /85–1935,2–63/(11).

Во-вторых, лишь военно-политическая стабильность в Европе могла позволить Лондону эффективно противодействовать вызову его мировому могуществу. Способностью бросить его к середине тридцатых годов среди неевропейских держав располагали лишь США, возможно, Россия и Япония. В то время как позиции первых двух сближались с британской, Япония перешла к расширению агрессии против Китая, захвату дальневосточных рынков и неограниченному наращиванию морских сил. Трезво оценивая ее потенциал, британское правительство склонялось к выводу, что атака на английские владения окажется реальностью и вызовет катастрофические последствия лишь при наличии сковывающего Соединенное королевство европейского конфликта (12). Одновременно, утверждает британский историк, оно "явно предполагало, что "взаимная антипатия двух рас" (т.е. противостояние СССР и Японии. – О.К.)... предотвратит установление господства какой-либо одной стороны" /287–57, 81/.

Руководители страны соглашались, с видным дипломатом У.Селби: "Европа является "цитаделью нашего мирового влияния и престижа", укреплять положение Англии в Европе необходимо «не только ради него самого, но и для сохранения Империи /50–34,151/. Фактический лидер правительства открыто поддерживал мысль о том, что судьба мира на континенте определяет будущее Империи; это позволяло расправляться с изоляционизмом его собственным оружием. Болдуин призывал оппонентов, поднимавших вопрос о приоритетных интересах Англии, бросить взгляд на карту мира и удостовериться в британском присутствии на всех континентах и морских просторах. Война в Европе непременно поставит его под вопрос, ибо "современная

— 26 —

война между двумя державами, каковы бы они ни были (13), подобна великим конвульсиям природы в древние геологические эпохи; карта мира с неизбежностью будет совершенно преобразена" /31–326/.

Совокупность отмеченных обстоятельств демонстрирует ошибочность количественного подхода при определении центральных внешнеполитических интересов в Великобритании, их непосредственного выведения из экономической сферы. Они состояли – и это хорошо осознавалось ядром политической элиты – в обеспечении максимальной стабильности европейской системы, предотвращении военного конфликта между ее участниками, не говоря уже о войне с одной из континентальных держав самой Англии. Это определяло перерастание англо-германских противоречий в антагонизм между двумя государствами"¹². Такая трансформация, как представляется, произошла в основном в рамках исследуемого периода – в 1933-1935 гг.

Стремление правящих кругов Великобритании сохранить мир в меньшей степе-

¹¹ О деловых связях с нею руководителей "национального правительства" см.: /236–48/.

¹² Систематичное рассмотрение англо-германских противоречий (преимущественно в экономической сфере) см.: /237–23-42; 254–234-235/.

ни¹³, чем совокупность разнообразных экономических интересов, обуславливалось системой внутренних социальных императивов.

Первоначальное знакомство с последствиями мирового экономического кризиса для британского общества побуждает усомниться в предположении, что обстановка в стране создавала в середине тридцатых годов крупные трудности для правящих кругов. Согласно официальным данным, производство во всех отраслях национальной экономики сократилось в 1931 г. на 16%, а в 1932 г. – на 17% по сравнению с 1929 г. /83–1933, 7–15/. Нижний порог промышленного производства был достигнут Англией в 1932 г. /95–74/.

— 27 —

Сопоставление этих и других показателей экономического состояния Англии и других развитых стран демонстрирует, что потери последних оказались несравненно большими. Выход из кризиса в Великобритании обозначился прежде, чем в большинстве других стран. Если на рубеже 1934 г. промышленное производство в США составляло около 70% от уровня 1928 г., в Германии – около 80%, а во Франции – около 83%, то в Англии его объем перевалил за эту черту, достигнув к лету 1934 г. 104 % /95–74; 254–234/ (14).

В целом начавшееся небывалым кризисом десятилетие оказалось для британской экономики более благоприятным, нежели предшествующее. Производительность труда и чистый национальный доход повышались в среднем на 2,1% в год /260–13-15/. Проведенное Олдкрофтом исследование темпов роста национального дохода и производительности труда двенадцати наиболее развитых стран в XX в. привело к заключению о том, что никогда британская экономика не развивалась столь успешно в сравнении с остальным индустриальным миром, как в тридцатые годы /260–20-21/. С учетом упадка деловой активности в 1929–1933 гг. это означает, что Великобритания середины тридцатых годов переживала период беспрецедентно быстрого экономического роста. В 1932–1937 гг. промышленное производство увеличилось на 46%, внутренние инвестиции всех видов – на 47% /260–44/¹⁴.

Реальные доходы на душу населения, согласно подсчетам того же исследователя, увеличились с 1920 по 1938 г. на одну треть, причем лишь за 1932–37 гг. – на 25 % /260–44/. Было бы ошибочным предположить, что этот общий показатель получен благодаря низкому

— 28 —

базовому уровню кризисных лет и маскировке доходами верхов снижения жизненного уровня трудящихся. По данным Ю.Кучинского, чистая реальная заработная плата (с учетом пособий по безработице), даже в пересчете на занятых по найму и безработных, составила в 1929–31 гг. наиболее высокую за предшествующее десятилетие сумму (92–93% от уровня 1900 г.), в 1932–36 гг., почти неуклонно возрастала с 93 до 98 % /222–170-171/¹⁵. "Во всяком случае, – подчеркивал в то время советский специалист, – нет сейчас такой страны в капиталистическом мире, где бы заработная плата рабочих подвергалась меньшим сокращениям, чем в Англии" /83–1935,5-6/.

В первой половине тридцатых годов, еще до преодоления страной кризисных явлений в экономике, положение основной массы английских трудящихся заметно улучшалось (15). Новое строительство постепенно вытесняло трущобы, рабочая Англия узнала вкус шоколада /361–103/. Сближению общественного положения рабочих и среднего класса способствовали также сдвиги в структуре занятости. Кризис значительно ускорил начавшийся ранее процесс перекачки рабочей силы в "третичную сферу". По данным министерства труда, в нее, оставив промышленность, горное дело, строительство и транспорт, влилось около 820 тыс. чело-

¹³ См.: /334–9/.

¹⁴ В данном случае рассмотрение оборотной стороны британского динамизма тридцатых – замедления роста хозяйственной эффективности, весьма важной для перспективы, – несущественно. См.: /303–213-218/.

¹⁵ См. также: /83–1935,5-5/. Что касается распределения доходов между различными слоями британского общества, то различие в нем в рассматриваемый период сократилось, хотя и незначительно /260–390/.

век (8% работающих по найму) /95–96; 208–13-14/.

Наиболее острой социальной проблемой на протяжении всего десятилетия оставалась безработица. Достигнув пика зимой 1932-33 гг. (около 20% наемных работников), она рассасывалась гораздо медленнее, чем шло "выздоровление" хозяйства (16).

— 29 —

Безработица, связанная с нею обнищание и чувство социальной ущемленности, были локализованы преимущественно в старых промышленных (ставшими "депрессивными") районах, в особенности Севера и Уэльса, тогда как Лондон и Юго-Восток превратились в "средоточие новых отраслей промышленности и наибольшего притока рабочих" /208–14; 371–96-98/. Сочетание социально-профессиональной стратификации британского общества с экономикогеографической¹⁶ способствовало складыванию не просто неоднозначной, но двухслойной картины жизни. Положение людей, составлявших ее главный пласт (обеспеченных работой наемных рабочих и служащих и средних слоев), в рассматриваемый период, несомненно, было сносным и заметно улучшалось. Этим объяснялось и состояние движений общественного протеста, включая рабочее,

Лейбористская партия после решительного разрыва в 1931 г. со сторонниками Макдональда и Томаса (принявших название "национальных лейбористов") погрузилась в состояние неопределенности, раздираемая противоположными тенденциями и явно страдала от отсутствия энергичного лидера. Стоявшая у истоков лейборизма Независимая рабочая партия круто повернула влево и организационно отмежевалась от него. Сторонники радикального преобразования Англии под знаменем утопических социальных и религиозных идей сплотились в немногочисленную (около 3 тысяч человек) Социалистическую Лигу. Активизировала свою деятельность компартия, сумевшая стать движущей силой Движения меньшинства и вновь образованного Национального движения безработных. Однако лишь на рубеже 1935 г. она попыталась отказаться от тактики "класс против класса". НРП, перейдя на прокоммунистические позиции, утратила основную членскую базу. Сами же коммунисты (17 тысяч членов в 1933 г., из которых 90% вступили

— 30 —

в партию за последние два года) на всеобщих выборах получили 75 тысяч голосов в 1931 г. и 27 тысяч в 1935 г. /208–126; 361–97; 100–225/.

Если значительная часть интеллигенции, как и наиболее пострадавшие от кризиса трудящиеся, переживала ломку мировоззренческих и политических установок, то основная масса рабочих оказалась не затронутой ею. В двадцатые годы боевым профсоюзам зачастую противостояли осторожные политики лейбористской партии. После кризиса 1931 г. негодовавшие по поводу предательства многих старших товарищей – последовательных реформистов – деятели парламентской фракции и (в меньшей степени) Национального исполкома оказались перед лицом олицетворяемой Бевином умеренной линии БКТ. Последняя возоблудала в рабочем движении.

Общее число потерянных вследствие стачек человеко-дней в 1933 г. составило 1,1 млн, в 1934 г. – 1,0 млн, в 1935 г. – 2,0 млн. Англия не знала на протяжении нескольких лет столь низкого уровня стачечного движения со времени рождения "нового юнионизма" в 1880-х. Процент успешно закончившихся забастовок снижался с 47,3 % в 1932 г. до 27,2 в 1935 г. /222–160-165; 208–132/. Оскудели фонды тред-юнионов /200-453/. Отток рабочих из профсоюзов был остановлен лишь в 1935 г. на самой низкой в межвоенный период отметке /100–361/.

Подозрительно относясь к Национальному движению безработных, Генсовет БКТ встал на путь создания собственных организации безработных лишь в 1933 г., причем не сумел придать им массовый характер /208-57/. Численность участков "голодных походов" тех

¹⁶ Подробнее о ней см. гл.3-4 монографии Олдкрофта.

лет, согласно наиболее точным (полицейским) данным, не превышала 1-2 тысяч человек /361–100; 208–53,69-70/.

Не удивительно, что современные английские историки почти единодушны в характеристике общественной обстановки, сложившейся

— 31 —

к середине тридцатых. Уорд и Симэн отмечают, что "политическая апатия, хотя и не была всеобщей, преобладала", то было время "решительного отказа от героизма" /358–238; 371–98/. А.Марвик, концентрируя внимание на пробуждении интереса к политике ранее равнодушных к ней социальных групп /329–223-239/, признает, что проявления радикализации не могли восполнить "упадка действительной силы организованного рабочего (лейбористского) движения" /329–222/¹⁷.

Иначе оценивали социально-политическую ситуацию члены политической элиты. "Национальное правительство", созданное в конце 1931 г., располагало после всеобщих выборов 554 мандатами из 615, тогда как крупнейшая оппозиционная сила – 52 /100–225/. Возглавив его, Дж.-Р. Макдональд совершил второй и ставший окончательным поворот в своей политической карьере, оставаясь при этом самим собой – надеявшимся, что природные качества англичанина – терпимость и здравомыслие – позволят восторжествовать евангелическим идеалам справедливости над алчностью и насилием. Макдональд отнюдь не являлся марионеткой в руках консерваторов, в чем обвиняли его старые друзья. Настоящим хозяином правительства стал, тем не менее, достигший почти столь же преклонного возраста и возглавлявший попеременно с Макдональдом кабинеты 1923-31 гг. С.Болдуин. Лидер консерваторов занял пост лорда-президента совета – почетный и не связанный с конкретным кругом обязанностей. Оба деятеля уже утратили натиск и хватку предшествующих лет¹⁸. С точки зрения партийного состава, роль третьей фигуры правительства исполнял

— 32 —

государственный секретарь по иностранным делам и лидер "национальных либералов", опытный политик, выдающийся правовед Д. Саймон. По реальному весу в государственных делах его превосходил Невилль Чемберлен. За ним стоял внушительный послужной список отца и сводного брата, а собственная репутация была пока что безупречной. Выделявшийся неутомимостью и решительностью, не прячущий своей индивидуальности, он рассматривался многими как архитектор восстановления страны. Пост канцлера казначейства позволял ему вмешиваться практически во все области управления и зачастую контролировать принятие политических решений (17).

Успехи правительства в укреплении экономики, в индийском вопросе, его беспрецедентно прочные позиции в парламенте, казалось, позволяли строить внешнеполитическую деятельность без оглядки на социальные низы. "Деятельность лейбористов не имела в то время почти никакого значения, - писал А.Дж.П. Тэйлор. - Национальное правительство обладало достаточными властью и авторитетом, чтобы поступать так, как оно того желало..." /362–328/. Между тем его лидеры весьма чувствительно, порой почти панически воспринимали сдвиги внутри страны. Полевение НЛП и создание Социалистической лиги, по мнению Болдуина, сообщают его биографы, ставило под сомнение "всю философию парламентской системы" /180-693/. Лидер консерваторов превзошел самого себя в создании для горстки лейбористов условий исполнения роли оппозиции - защищаясь от обвинения правого крыла партии в мягкотелости и не жалея времени на беседы в курительной комнате палаты общин с солидными руководителями профсоюза /180–654; 310–259/. Он с признательностью отзывался о лидере лейбористов Дж.Лэнсбери и его коллегах за то, что своим поведением в Вестминстере "они помогли сохранить развевающийся над миром стяг парламентского правления" /180–654/.

¹⁷ См. также: /361—98; 310—240/ и др. и мемуары: /53—313; 45—347/.

¹⁸ Интересное сопоставление политических судеб и подхода Макдональда и Болдуина см.: /358—165-167/.

Деятельность кабинета свидетельствует о том, что таким подходом руководствовалась фактически вся правящая элита. Так, в конце 1932 г. военное министерство и министерство внутренних дел окончательно согласовали возрождавший призраки 1848 г. план учреждения резерва гражданских констеблей. Между тем полицейские силы Соединенного королевства насчитывали почти 70 тысяч человек, а в резерве и без того состояло 174 тыс. констеблей /277-44S-450/19.

Неоднократно описывался в литературе эпизод, связанный с введением в действие 7 января 1935 г. второй части парламентского акта о помощи безработным. В соответствии с нею ужесточалась "проверка нуждаемости" претендентов на получение пособия, их размер снижался. Меры правительства вызвали всплеск негодования в Шеффилде и Южном Уэльсе, некоторых других "бедствующих" районах". "С начала февраля 1935 г. движение единого фронта приняло действительно массовый характер; в угольных районах в нем приняло участие не менее 300 тысяч человек", – отмечала Л.В. Поздеева /237–150/. Уже 5 февраля кабинет приостановил действие закона. Заявление министра труда О.Стэнли о том, что выплата пособий состоится 15 февраля, вызвало новую волну демонстраций в Шеффилде. "Через 12 часов правительству пришлось дать указание о немедленной выплате урезок, – констатирует историк, – еще через сутки это пришлось сделать в общенациональном масштабе" (208–80/). "Снова появляется дух 1926 года", – тревожилась в начале февраля "Таймс" /200–450/. Уместно подчеркнуть, что правительство придерживалось экономической доктрины, согласно которой увеличение ассигнований на помощь безработным приносит более вреда хозяйству, чем пользы игл самим. Канцлер казначейства, деятельность которого наиболее полно воплощала этот принцип, выступил инициатором немедленной отмены закона 1934 г. /177–164; 325–119/.

Подобное отношение буржуазных политиков к сравнительно ограниченным проявлениям недовольства низов не было беспочвенным. Руководители страны не забывали о послевоенном подъеме рабочего движения в Англии и потрясениях в разных концах мира. "Я совершенно согласен со многими наблюдателями, – говорил Болдуин в 1926 г., – что в послевоенное время вышедшие наружу силы Сатаны росли все более заметно" /29–156/. В двадцатые годы этот образ отождествляли с большевизмом /180–1093/. С началом нового десятилетия он приобрел многомерность. События 1929-31 гг., вспоминал Г.Макмиллан, "заставили многих из нас понять ... что мы достигли критического пункта в истории" /45–266/. "Мир будто стряхивает с себя ярмо демократии", – писал другой рядовой парламентарий-тори /301–232/. "...Я прихожу в заключение, что мир сошел с ума", – признавался Болдуин доверенному корреспонденту /289–34/. Ранее ясные черты современного сатанизма укрупнились. Болдуин продолжал: "Я не знаю, что с ним (миром, – О.К.) происходит, но все идет плохо"²⁰.

Пример континента указывал на непрочность признанных общественных институтов, готовность индивидуума подчинить себя Движению фашистского или коммунистического толка, соблазнам насилия. В речах руководителей страны громко зазвучал мотиву Британия – "последний оплот свободы, возвышающийся подобно скале посреди волн, грозящих объять весь мир" /31–23/. Под сомнением, однако, оказывался и британский иммунитет к европейской болезни²¹.

"Следует всегда помнить, – подчеркивал проправительственный публицист, – что ныне муж-

¹⁹ См. также: /78–28.09.1933–2/.

²⁰ Личная переписка Макдональда содержит почти дословные совпадения с признаниями Болдуина /175–287/

²¹ См., например, высказывание члена Генсовета БКГ У.Ситрина /305–129/.

чины и женщины цивилизованных стран имеют возможность получать информацию и обмениваться опытом в небывалой в мировой истории степени" /130–56/. Старая Англия столкнулась с национальным фашизмом. В первой половине 1934 г. основанный полутора годами ранее БСФ добился резкого расширения своих рядов и перешел к устройству массовых митингов на германский манер. Собрания в лондонской "Олимпии" сопровождались кровавыми избиениями антифашистов. Эти июньские события дали сильный толчок политизации ряда тред-юнионов /208–111-112/, а контрдемонстрация в Ист-Энде 9 сентября 1934 г., несмотря на призывы Генсовета БКТ воздержаться от участия в ней, собрала до 150 тысяч человек /208–115; 178–192-194/. Главные усилия сторонники Мосли сосредотачивали против "Старой Банды существующего парламентаризма" /136–188/, однако внезапный подъем антифашистских настроений в августе-сентябре 1934 г. показал, что помимо воли фашисты могут сыграть роль детонатора революционного взрыва, либо сдвига влево, как это случилось в том же году во Франции.

События, подобные массовым акциям сентября 1934 и января-февраля 1935 г., встречам десятками тысяч жителей сравнительно благополучного Лондона участников "голодных походов", которым предшествовала довольно слабая предварительная организационная работа, показывали, что за апатией большинства - подлинной или мнимой - крылись мощные и готовые выплеснуться силы²². Элитой, надо полагать, был усвоен известный исторический урок: в обстановке

— 36 —

социальной поляризации преодоление хозяйственных трудностей обычно порождает всплеск ожиданий и активности низов. В 1934 г. лейбористы вернули себе большинство в Совете Большого Лондона. С конца 1933 г. вплоть до нового всеобщего голосования в ноябре 1935 г. правительственный блок все чаще проигрывал дополнительные выборы. "Парламентское большинство, сложившееся в экстраординарных условиях, под влиянием охватившей людей паники не обладало их уверенностью в устойчивости своей популярности, ни возможностью положиться на легитимизирующую межпартийный блок традицию", – напоминает британский историк /279–94/.

Эти обстоятельства накладывались на общий процесс эволюции политической системы страны. Стремительно расширился круг избирателей²³ Собиравшие в первом десятилетии XX в. почти столько же голосов, как и консерваторы, либералы в 1931 г. получили их впятеро меньше, чем традиционный соперник, тогда как электоральное влияние лейбористов с 1923 г. превышало 30% /100–224-225/. Переход от трехпартийной системы к новой двухпартийной схеме еще не определился. "Демократия галопом ворвалась в Англию, – тревожился Болдуин, – и я постоянно ощущаю, что идет состязание не на жизнь, а на смерть. Сумеет ли мы воспитать их (массы. – О.К.) прежде, чем грянет бой?" /180–502-503/.

Центральным принципом деятельности правительства Макдональда-Болдуина являлась консолидация всех общественных сил для сохранения сложившейся социальной системы (18). Изоляционисты исходили из того, что целостность и неприкосновенность Империи – главный фактор согласия внутри страны. Этот подход не был, разумеется, чужд консервативной партии в целом. Ее ведущие представители, однако,

— 37 —

понимали, что основы социальной стабильности коренятся прежде всего в хозяйственном благополучии /177-169/, не всегда совпадающем с имперским. Изоляционисты вынуждены

²² Это утверждение поддерживается не только советскими, но и весьма различающимися по исследовательским методам и политическим пристрастиям зарубежными историками. См.: /362–346,350; 305–127; 317–289/.

²³ Накануне первой мировой войны их численность составляла 7,7 млн человек, в 1929-31 гг. – 29-30 млн.

были признавать, что при отказе от европейских союзов и обязательств душ защиты Империи Англии понадобится огромная военная мощь (Армада в 10 тысяч авиамашин – по Роттерму, "Большие вооружения" – по Бивербруку) /188–343/. Какова будет цена изоляции? – парировал их рассуждения С.Болдуин. – "Исчезнет система страхования. Задумайтесь, как обременены и напряжены окажутся наши ресурсы" /31–327/.

Вывод верхушки консерваторов о неприемлемости социальной цены равнодушия Англии к судьбе Европы²⁴ основывался не только на общих соображениях, но и на казавшейся единственно правильной финансовой доктрине (19). Мнение консерваторов о недопустимости дефицита, о гражданских ассигнованиях как "сине ква нон политического выживания" /317–240/ перекликалось со стойким отказом Макдональда обсуждать тему перевооружения, пока сотни тысяч простых людей находятся на грани физического выживания.

Таким образом, вследствие переплетения общеполитических подходов правительственных партий и оценки ими уровня общественной напряженности в стране с господствующими представлениями об экономических возможностях государства курс на решительное перевооружение не мог быть принят Англией в первой половине тридцатых годов. Ей приходилось уповать на политические средства решения межгосударственных противоречий, сохранение мира. Соскальзывание европейской системы к войне означало бы для правящих кругов Великобритании

— 38 —

необходимость встать на путь самоубийственной ломки внутренних гарантий классового мира. Между тем, лидер страны "был озабочен и почти одержим задачей достичь того, чтобы прежде чем прозвучит этот клич ("рабочие всего мира, объединяйтесь, вам нечего терять, кроме своих цепей"), в Англии не оставалось более цепей"²⁵.

Проблема поддержания социального статус-кво тесно переплеталась с задачей обеспечения безопасности страны. Защита национальной территории в тридцатые годы все более выдвигалась на первый план в общей стратегии обороны Империи (20).

По-разному оценивая степень заинтересованности Англии в восточноевропейской стабильности, политическая элита и государственный аппарат не испытывали колебаний в отношении значимости Северо-Запада континента. Первым авторитетным политиком, публично подтвердившим жизненную ценность этого региона в новой ситуации, оказался О.Чемберлен – ведущий парламентский оратор правительственного большинства по вопросам внешней политики. Успехи воздухоплавания, писал он в 1931 г., повысили восходящую к XV в. значимость Нидерландов для обороны Англии, "их границы являются по сути нашими собственными рубежами", "их безопасность неотделима от нашей" /129–33/. Имперский генштаб уже в двадцатые годы исходил из того, что, как докладывал его начальник лорд Кэвэн кабинету, "подлинными стратегическими позициями Великобритании расположены на Рейне" /306–94/. 30 июля лорд-президент совета почти дословно повторил формулу Кэвэна в официальном заявлении правительства /1,292–2339/²⁶. Англия опасалась не столько накопления сил вторжения на северо-западе, сколько возможности использования Германией аэродромов Голландии, Бельгии и Северной Франции. Контроль над ними враждебной державы позволил

— 39 —

бы резко повысить внезапность воздушной атаки на Британские острова, расширить ее зону до Шотландии и увеличить число самолетовылетов. Британские руководители и теоретики в

²⁴ См. также: /40–174; 111–110; 298–141; 177–182-184/. Подробно и откровенно мысль о том, что вызванный гонкой вооружений кризис "может быть не только международным", раскрыта на страницах официального издания оборонных ведомств /86–13.08.1936–655-656/.

²⁵ Из воспоминаний министра сельского хозяйства У.Эллиота /180–696/.

²⁶ О выводах Н.Чемберлена см.: /177–178/.

начале тридцатых годов рассматривали авиацию как "совершенно новое стратегическое оружие", покончившее с островной неуязвимостью /108–133; 92–1934, 4–297/. Представлялось бесспорным, что эффект бомбардировок прошедшей войны будет многократно превзойден и гарантий от применения противником отравляющих веществ не существует /77–1935, 9–10-92/. Высокая степень индустриализации, близость столицы и плотно населенного Юго-Востока к чужим рубежам, легкость обнаружения Лондона в ночное время благодаря зеркалу устья Темзы ставили Англию в положение страны, "наиболее чувствительной к нападению с воздуха" /107–94/. Несовершенство и дороговизна систем ПВО при наличии у противника авиабаз вдоль Ла-Манша делали оборону Великобритании с воздуха почти безнадёжной. "... И человеку с улицы, – гласило знаменитое заявление Болдуина конца 1932 г., – следует осознать, что нет на свете силы, способной защитить его от бомбардировки. Что бы ни говорили, бомбардировщик всегда прорвется" /153–134/ (21).

С военной точки зрения это означало необходимость развивать наступательные вооружения в качестве главного инструмента сдерживания потенциального агрессора /180-741-742/. Внешнеполитический императив еще в двадцатые годы был сформулирован, лордом Грэм: "появление вслед за субмаринами военной авиации означает, что отныне Англия прикреплена к континентальной Европе "узлами легкими как воздух и прочными как звенья стальной цепи" /142,2-45/. Понятие стратегической роли авиации было насыщено также грозным социально-политическим содержанием.

"Война может осуществляться только волей объединенного народа, – фиксировал Полевой устав британской армии. – Поэтому цель нации, взявшей за оружие, заключается в создании такого давления

— 40 —

на народ, с которым ведется война, которое побудило бы этот народ заставить свое правительство стремиться к заключению мира" /108–133/. Стратеги Уайтхолла считали, что тот же подход применит к Англии враждебная держава, новые воздушные вооружения могут обеспечить ей быстрый успех /308–130/ (22).

Военные авторитеты напоминали, что в прошлой войне авиация противника вызвала сильную морально-психологическую напряженность у лондонцев, возмущение деятелей Гуля бессилием властей вылилось после очередной бомбардировки в открытый бунт /122-25/. Даже если воля гражданского населения будет сломлена не сразу, при морской блокаде воздушная война "должна будет, по всей вероятности, закончиться не миром, а революцией", полагал генерал Фуллер /75–1934, 12–13/ (23). Социальный мир оказывался, таким образом, крайне зависимым от процесса подготовки к крупномасштабной войне и от возможного удара на территории Британии. По мнению правящих кругов, внутреннее потрясение под влиянием вызываемого перевооружением обнищанием либо сокрушительных бомбардировок могло бы произойти прежде, чем иссякнут материальные ресурсы обороны. Социальный ограничитель усилий по защите национальной безопасности вполне мог сработать на порядок раньше, чем военно-технический. Единственный разумный выход из складывающейся дилеммы внутренней и внешней безопасности состоял в ограничении роли военного компонента европейской политики, предотвращении войны.

Заинтересованность правящих кругов в сохранении европейского мира обуславливалась, наконец, и сложившейся политической культурой (этой, по выражению А.А. Галкина, "памятью о прошлом") как самой британской элиты, так и ее основной социальной базы – средних слоев.

Отношение британского общества к прошедшей войне через полтора десятилетия после ее окончания было фактически однозначным /317–238; 329–248/.

— 41 —

Она вспоминалась не как величайшая из битв, которые когда-либо вела Англия, но как "ужас, превосходящий всякое воображение" /263–424/. "Более того, – отмечал английский историк, – возник даже, общенациональный миф, согласно которому именно на Вели-

кую войну возлагалась ответственность за доследующее разложение и упадок Британии. К началу тридцатых годов Великая война превратилась в великое самооправдание британцев" /263–424/. В общественном сознании утвердился тезис о потерянном поколении. Хотя относительные потери страны были меньшими, чем понесенные Францией или Германией жертвы, они воспринимались верхними слоями Великобритании острее, чем буржуазией на континенте /263–426; 108–277/. Гибель англичан в 1914–18 гг. психологически не вписывалась в историческую традицию страны, воспринималась в увязке с крахов того, что Р.Олдингтон назвал "спокойным непринужденным превосходством, которым" был отмечен закат викторианской эпохи" /115–466/. К тому же небольшой и замкнутый правящий класс, отстаивая моральное право на руководство нацией, бросил свою молодежь в пекло войны и понес, по оценке К.Барнетта, более чувствительные потери, чем все другие слои общества. Мартиролог британской элиты впечатляющ /263–426–428; 52–39/. С конца двадцатых к осуждению войны Шоу, Уэллсом, Голсуорси прибавилась волна "окопных мемуаров" Олдингтона, Сассуна, Грейвза и других ветеранов, рассказавших как юношеский идеализм был втоптан в грязь и смерть /193–62–63; 263–428–434/. Воздействие этих обстоятельств на общественное мнение, прежде всего буржуазных слоев, нельзя недооценивать.

Осуждение войны, неподдельный ужас перед возможностью ее повторения проходили красной нитью через выступления осторожного Болдуина и воинственного Черчилля /153–33; 180–722,759; 29–140; 310–257/ (24). Британская концепция сдерживания агрессора в случае

— 42 —

провала политических методов означала, не скрывал лидер правительства, что "если вы желаете спасти самих себя, вам придется убивать женщин и детей больше, чем ваш противник" /153–134/.

Это восприятие выбора между войной и миром подкреплялось, с одной стороны, широчайшим распространением пацифизма – весомого фактора в политической борьбе (25), с другой – громадной культурой компромиссов, сформированной столетиями британской истории. В рамках последней чужая война выглядела недомыслием, собственное участие в ней – преступлением. Осторожность – единственное бесспорное достоинство "команды Болдуина" – заставляла всегда помнить об этом. Существенно и интимное восприятие евангелических истин руководителями страны (Макдональд, например, был религиозен до истеричности) /175–264/.

Разумеется, отвращение к войне формировало и тягу к самоустранению от назревавшего конфликта. Мемуаристы и историки многократно отмечали характерные для буржуазных кругов поглощенность внутренними делами и светской жизнью, равнодушие к происходящему в Европе и беженцам из Германии, индифферентное отношение, а порой и явную симпатию к диктаторским режимам /34–196; 53–9; 58–482–485,496; 310–239–240; 371–103; 317–255; 350–252–253/27. "Просвещенные англичане, – писал, побывав в стране в 1931 г. И.Эренбург, – тяготеют зависимостью от мертвых вещей, от образов, от слов", от этикета, они тяготеют этим, но этим и дорожат, они как бы боятся, что без этого савана распадется великая империя, трухой рассыплется государство, исчезнет хорошо налаженная и в то же время призрачная, "вымышленная жизнь" /124–22/28. Островной провинциализм

— 43 —

в сочетании "с имперской установкой, порождавшей соблазн отгородиться от "ведьмовской похлебки" (как выразился Ллойд-Джордж в 1933 г. /74–1933, 12–17/) европейской истории, по всей вероятности, составляли, даже более широкий пласт политической культуры буржуазной Англии, чем стремление к обеспечению продолжительного мира на континенте. Такой взгляд, однако, могли себе позволить скорее отставные полковники или игравшие в мировую политику гости Клайвденского поместья, но не ответственные государственные деятели.

²⁷ Выразительные свидетельства С.Хора и Р.Ванситгарта см.: /12, 4–734,764/.

²⁸ Эта характеристика весьма близка описанию А.Зигфрида. См.: /111–102–103,105/.

Наиболее мыслящая часть верхов осознавала, что для того, чтобы континент оставил англичан в покое, те должны помочь ему остаться мирным. "Война – самая ужасная вещь и никто не может сказать, как далеко она распространится, если будет развязана в Европе...", – на одном дыхании выговаривал типичнейший и влиятельнейший представитель истеблишмента – Болдуин /30-41/.

Рассмотрение внутренних детерминант политики Великобритании приводит к выводу, что страна и ее правящие круги были жизненно заинтересованы в обеспечении европейского мира. Особенности хозяйственной системы Великобритании ориентировали правящие круги на укрепление связей с доминионами, колониями и зависимыми странами далеких континентов. Однако Англия не могла пренебречь ни европейскими рынками, ни прежде всего необходимостью защиты имперского влияния от экспансионизма других ведущих держав. К середине тридцатых годов наибольшую потенциальную опасность для мировых позиций Великобритании начал представлять экспансионизм Германии. Ее успех и поражение Англии зависели прежде всего от сохранения порядка и стабильности в Европе, что и определяло направленность внешней политики Лондона.

Неопределенность внутривнутриполитической обстановки, сохранение и даже рост общественной напряженности также побуждали правительство Макдональда-Болдуина остерегаться участия в возобновлявшейся

— 44 —

гонке вооружения и не подвергать опасности политико-финансовые гарантии классового мира. Это ограничивало внешнеполитический инструментарий Великобритании почти исключительно собственно политическими средствами, эффективными лишь, при сохранении мира в Европе. Непрочность внутреннего положения, к тому же по всей видимости преувеличиваемая государственными деятелями, заставляла оценивать угрозу национальной безопасности не только с военной и экономической, но и социально-политической точки зрения. Установление господства врачебной державы над Западной Европой расценивалось правительством как фатальный для Англии исход, предотвратить который могло лишь установление прочного мира на континенте.

Сложившиеся в Англии тип политической культуры, присущие верхам особенности социального мышления способствовали своевременному осмыслению указанных: обстоятельств как определяющих последовательное проведение политики спасения европейского мира. Линия Лондона в европейских делах, таким образом, являлась частью общей стратегии буржуазной Англии – политики обороны, защиты социальных устоев, сложившихся ценностей от многообразного исторического вызова /83–1932, 11–12-47/ и в этом смысле не носила конъюнктурного характера. Она, однако, зависела от общих рамок британской политики в целом. Каждое из рассмотренных направлений последней, позволяя судить о стремлении правящих кругов к миру на континенте, вместе с тем содержит некоторую долго неопределенности и даже дуализма.. Сложность экономических интересов, внутривнутриполитической обстановки, противоречивость социально-психологических установок и неясность последствий военно-технической революции неминуемо порождал столкновение существенных частных интересов господствующего класса с его стержневыми потребностями. Парламентский характер правления, особенности организации государственного

— 45 —

аппарата ("гражданская служба", как известно, пользовалась значительной автономией по отношению к получающим большинство политических партиям и одновременно была тесно связана с деловыми и отчасти интеллектуальными кругами) способствовали экстраполированию конфликта интересов правящего класса на внешнюю политику. "Политика Великобритании не более эгоистична, не более коварна, чем политика любой другой империалистической державы, – подчеркивал К.Радек, отвергая расхожие представления о "коварстве" Альбиона". – Она только, более сложна, ибо положение Великобритании благодаря ее структуре,

ее размерам более сложно, чем положение других империалистических держав" /103–VIII/²⁹.

Правота приведенного высказывания становится еще более очевидной при переходе к анализу европейской политики Великобритании как составной части системы межгосударственных отношений. Если рассмотрение внутренней обусловленности внешнеполитической деятельности правительства позволяет выделить ее главный вектор и составить предварительное суждение о возможных средствах ее осуществления, то внешняя система координат – основные составляющие и конкретные проявления линии Лондона в европейских делах.

§ 2. Внешние детерминанты британской политики: пакт четырех держав и основные принципы внешнеполитической деятельности.

Наряду с" общей политикой государства основными детерминантами его внешнеполитической деятельности, как известно, являются процессы, определяемые структурой межгосударственных отношений, в данном случае – европейских³⁰. Конструктивный способ исследования,

— 46 —

предложенный Э.А.Поздняковым, состоит в рассмотрении ее как совокупности центрсило-вых отношений; отношений, включенных в "узлы противоречий" и "структурной надстройки" ³¹.

Центрсило-вые отношения (определяемые сравнительным могуществом держав, "превалирующий тип структурных отношений" /387–58-62/) в Европе межвоенного периода складывались необычно; клише двухполюсной или многополюсной системы оказывались к ней неприменимы /391–222-223/. Распад Австро-Венгрии, превращение России в озабоченное внутренним устройством и потерявшее часть европейских форпостов и влияния государство создавали в восточной части континента "вакуум силы". Связи Франции с новыми государствами лишь отчасти восполняли его.

Другая объективная сложность крылась в двойственном положении Германии. Поставленная миром в 1919 г. в приниженное положение, она оставалась по сути, хотя и не по правовому статусу, великой державой. Ее возрожденный промышленный потенциал, трудовые и военные людские ресурсы, уникальное геополитическое положение, солидарное неприятие немцами международного режима означали, что "Германия потенциально сильнее, чем любая из остальных держав в одиночку" /391–222/. В начале тридцатых годов близость окончательного восстановления Германии как главной силы на континенте уже исключала поляризацию сил между тремя остальными великими державами Западной Европы /391–222/, отношения между ними во многом определялись настоящим и будущим Германки. Политика баланса сил в таких условиях приобретала весьма специфически вид строилась на предполагаемых реальностях не менее чем на актуальных.

— 47 —

Другим структурным уровнем европейской системы являлись отношения государств, включенные в узлы противоречий, т.е. "относительно локализованные комплексы связей и отношений между государствами, характеризующиеся быстрой динамикой развития, повышенной обостренностью отношений и конфликтностью" /387–62/. Итоги мировой войны провоцировали: формирование таких комплексов преимущественно в Восточной Европе. Однако часть из них к 1932-33 гг. благодаря сдвигам в отношениях СССР с Польшей и Румынией утратила остроту. Притязания Венгрии надежно сковывала Малая Антанта. На первый план вышли преимущественно совпадающие с "периферией поднимающейся Германии

²⁹ См. также: /112–46; 83–1934,4–15/.

³⁰ Автор отдает отчет в некорректности произвольного расчленения общемировой' системы международных отношений, но считает, что в рамках данной работы это допустимо.

³¹ К такому экскурсу побуждает многообразие предлагаемых историками решений при недостаточном, как правило, обосновании применяемой методологии (26)

и территориальными спорами германо-австрийские, германо-чешские, германо-польские, германо-литовские противоречия, а такие саарская проблема. Огромная роль политики Германии на уровне "узлов противоречий" (как и на центросиловом уровне) вела к особенно тесной стыковке обоих "этажей" европейской структуры.

Отношения европейских государств, связанные с функционированием международно-правовых норм и концепций, деятельностью • международных организаций (эти отношения З.А.Поздняков называет "структурной надстройкой" /387–64/, в 20-30-е гг. отличались новизной /234–39-43/. Вводимые Уставом Лиги наций принципы европейского общежития подрывались, однако, неполноправием побежденных государств и совершенно особым статусом Советской России.

Главная трудность состояла все же в другом, осуществимость международно-правовых обстоятельств при обострении обстановки (в расчете на которое они по сути и создавались) зависела от признания всеми государствами Европы общих моральных норм, от наличия демократического внутреннего устройства, позволяющего направлять деятельность правительств к их соблюдению. Этим условиям остро недоставало. Если советский режим эволюционировал к

— 48 —

признанию морально-правовой общности государств различных типов, то с Германией происходило обратное. Утверждение в ней национал-социализма и государственного терроризма, одобренное всенародным голосованием оставление международных организаций означали, что европейская система взаимных обязательств утрачивала свою основу согласие всех участников соблюдать общие нормы³².

Таким образом, определяющей чертой европейской системы в первой половине тридцатых годов являлось "нарушение динамического равновесия", преобладание тенденции к ее саморазрушению /387-99/. Это диктовало необходимость проведения великими державами, заинтересованными в недопущении катастрофы, политики одновременно решительной и комплексной. Курс Лондона целесообразно поэтому рассматривать не только как целостность, но и как совокупность политик, каждая из которых выражала реакцию правящих кругов Англии на процессы, присущие трем уровням межгосударственной структуры в отдельности (т.е. центросиловым отношениям, отношениям в связи с узлами противоречий, "структурной надстройке").

Во-вторых, все три уровня структуры отношений в Европе пронизывала германская проблема. Будущее континента зависело от того, будет ли найден миролюбивыми государствами (и в особенности Великобританией)³³ ответ на вопрос: "Что делать с Германией?" (27). Основные направления европейской политики Великобритании обрисовались в ходе переговоров о пакте четырех держав весной 1933 г., которые явились главным международным событием на стыке послевоенной эпохи с предвоенной.

— 49 —

План заключения, пакта о согласии и сотрудничестве между Италией, Германией, Великобританией и Францией был выдвинут Муссолини в обстановке, когда переговоры ведущих держав о реформе Версальской системы зашли в тупик³⁴. Самая масштабная после заключения Локарнского договора попытка, предпринятая в Лозанне летом 1932 г. параллельно усилиям на конференции до разоружению, оказалась неудачной. Провал двусторонних и

³² Безосновательны встречающиеся до последнего времени утверждения, будто английские руководители относились к международному праву к морали так же, как Гитлер /385–27/.

³³ См.: /212,2—12/.

³⁴ Утверждения Г. Сальвемини /353–137-139/, Л. Виллари /377–10/, подкрепленные затем А. Фэрниа /288–80/ и принятые многими советскими историками, о принадлежности инициативы в подготовке и выдвижении плана четырех Великобритании критически рассмотрены автором в депонированной статье.

многосторонних переговоров вылился в отказ правительства Папена от участия в конференции по разоружению. В конце сентября 1932 г. британское правительство предложило безотлагательное проведение встречи четырех держав с участием американского наблюдателя, "для обмена мнений с целью преодоления трудностей, вытекающих из сложившегося положения" /11, 4–204-205/. В "обстановке растущей враждебности Германии и Италии к Лиге Наций, ее самодискредитации в маньчжурском кризисе /217–229-230, 209/ и тщетности усилий представительной Женевской конференции Лондон сделал ставку на предусмотренный Локарнскими соглашениями механизм консультаций великих держав Западной Европы. Правительство Англии сыграло ведущую роль в последующих конфиденциальных переговорах и сумело добиться согласия как Франции, так и Германии на многостороннее обсуждение. На совещаниях в Женеве в первой половине декабря Саймона, Поль-Бонкуру, Нейрата и Алоизи, проходивших под председательством Макдональда, не удалось сформулировать основу

— 50 —

мирной, трансформации Версальской системы. В соответствии с Ковенантом устанавливалась взаимосвязь между обеспечением безопасности всех европейских государств и предоставлением Германии и её бывшим союзникам" полного равноправия³⁵. На рубеже 1933 г. руководители британской дипломатии имели основания полагать, что с помощью доследующих совещаний четырех держав удастся проложить путь к принятию женевской конференцией взаимоприемлемых решений, адаптирующих режим межгосударственных отношений к реалиям нового десятилетия³⁶. Провести новую встречу Англии, Франции, Германии и Италии Лондон предложил уже в январе 1933 г. перед возобновлением заседаний бюро и генеральной комиссии конференции по разоружению. Опасаясь изоляции от своих клиентов в Восточной Европе, французская дипломатия отклонила это предложение и сохраняла свою неуступчивость на протяжении февраля - первой половины марта /330–117, 145-146/.

Правительство Франции настаивало на принятии конференцией "конструктивного плана Эррио", но 7 марта политическая комиссия проголосовала против его ключевого предложения /257–174; 288–75/. Не менее несговорчивости Парижа английское руководство беспокоил

— 51 —

совместный отказ Германии и Италии войти в комиссию по изучению проекта пакта взаимопомощи, создание которой оно предложило 30 января /11,4-505; 11,5-107/. Скромные достижения годичной работы конференции рушились. Нацисты пришли к власти.

К середине марта Дж.-Р. Макдональд пришел к выводу, что события последних месяцев "изменили характер и сильно уменьшили ценность и значение Декларации пяти держав" /11,5–75/. 14 марта после интенсивных и в целом бесплодных бесед в Париже и "Женеве" выехавшие туда Макдональд и Саймон сочли целесообразным выдвинуть собственный проект конвенции о разоружении впервые с открытия конференции /11,4–526/. Известный как "план Макдональда", он выражал готовность Англии играть роль посредника, примиряющего главных, антагонистов конференции - Франции и Германию. Речь премьер-министра на заседании генеральной комиссии 16 марта, посвященная британской инициативе, была, однако, лишена воодушевления /47–126-127/. В международных делах, объяснял он позднее Муссолини, следует различать события переднего плана и глубокую подоплеку происходящего.

³⁵ Подписанный текст в основном соответствовал проекту Форин Офис от 28 октября 1932 г. /11,4–547/. Роль Великобритании в принятии Декларации подчеркивалась ее двойной подписью – Саймона как участника и Макдональда как председателя совещания /11,4–378/.

³⁶ Так называемая декларация пяти держав от 11 декабря 1932 г. являлась по сути "декларацией четырех", так как США солидаризировались лишь с § 4 этого документа (о желании сотрудничать на конференции по разоружению). Последний параграф Декларации прямо предусматривал новую встречу для конкретизации договоренностей – 11 декабря /11,4–378/.

Проект конвенции "является попыткой решить технические проблемы, с которыми столкнулись делегаты конференции по разоружению", принадлежал скорее к переднему плану. Его успех зависел, по справедливому мнению английских руководителей, не столько от взвешенности формулировок, сколько от наличия объединенной политической воли главных держав – "подоплеки", как выразился Макдональд /11,5–72/³⁷. Выдвижение британского проекта без предварительного соглашения четырех государств рассматривалось Лондоном как вынужденный шаг - единственное средство предотвратить постыдный крах женеvской конференции /11,4–505,526; 179–751/.

— 52 —

Естественным было поэтому внимание, проявленное Макдональдом к Саймоном к перемене акцентов в позиции Италии. Ее представитель Алоизи в беседах с англичанами 11-14 марта все более живо обнаруживал заинтересованность в сближении западных держав /311–38-91/. Перед Великобританией замерцала возможность восполнить вакуум политического согласия, с помощью Италии нащупать путь к новой плодотворной встрече четырех держав /337–376/, Ведя изощренную игру, итальянский диктатор довел основные идеи проекта "пакта четырех" до сведения французского посла уже 4 марта /311–34-35/. Берлин получил итальянское предложение 14 марта, однако принявшие вечером того же дня приглашение посетить Рим Макдональд к Саймон оставались в неведении относительно замысла Муссолини.

Хорошо понимая трудности урегулирования, английские руководители не предлагали обсуждать на римских переговорах какие-либо грандиозные или даже новые планы /311–40; 1,276–2813-2815; 91–15.03.1933–15/. Актуальной задачей они считали сближение подходов и улучшение атмосферы взаимоотношений двух стран /11,4–539, 953/. Вопреки созданному приездом Макдональда и Саймона в Италию впечатлению, Англия оказалась не первой, а скорее последней стороной – участником будущего пакта, ознакомившейся с его содержанием³⁸. В отличие от Франции Великобритания "сразу же энергично поддержала это предложение" /245-60/ и сохраняла расположение к нему дольше, чем Германия, оказавшись, таким образом, наряду с фашистским правительством наиболее заинтересованным участником переговоров.

— 53 —

Главным обстоятельством, побудившим английского премьера и госсекретаря в ходе римских переговоров дать согласие на обсуждение проекта Муссолини, явилось труднопредсказуемое развитие событий в Германии. Результаты выборов 5 марта могли означать, что торжество агрессивного национализма приобретает совершенно необратимый характер. Секретные сообщения из Берлина, записывал в те дни Макдональд, "напоминают важные события и сдвиги лета 1914" /179–752/³⁹. Уже в большом выступлении на заседании Генеральной комиссии 16 марта премьер-министр определенно высказался за сдерживание Германии для сохранения равновесия в Европе. По мнению британского правительства, указал он, смысл декабрьской декларации пяти держав "состоит, во-первых, в обеспечении безопасности, отказе от использования силы, учитывая предоставляемое провозглашением равенства потенциально превосходящее положение (Германии – О.К.), и, во-вторых, достижении равноправия" /11,4–560/.

Заявление Макдональда и содержание внесенного им проекта конвенции об ограничении вооружений подтверждали приверженность Великобритании политике баланса сил /264–27/⁴⁰. Вол второй половине 1932 г. Лондон намеревался поддержать равновесие сил

³⁷ См. также: /1,276–511/.

³⁸ Утром 18 марта Италия официально передала текст пакта о согласии и сотрудничестве в Лондон, Париж и Берлин. В те же часы направлявшийся автомобилем из Остии в Рим Макдональд впервые ознакомился с проектом Муссолини.

³⁹ См. также: /182–521/.

⁴⁰ Британская политика баланса сил подразумевала, что естественные диспропорции в силу

путем сохранения для Германии версальских (давно уже превзойденных ею) ограничений при частичном разоружении остальных государств /11,4—241/. К марту 1933 г. стало ясно, что эта возможность утрачена.

— 54 —

Согласно британскому проекту численность рейхсвера могла быть доведена лишь до 200 тысяч человек, а запрет на обладание Германией военной авиацией, субмаринами, некоторыми видами танков и артиллерии подтвержден. Учитывая, что план Англии содержал требование роспуска полувоенных формирований /257—351-353/, можно заключить, что его принятие привело бы к ограничению военных возможностей рейха уже достигнутым уровнем⁴¹. Лондон, не заблуждаясь относительно шансов на принятие конференцией своего проекта⁴², стремился использовать "пакт четырех" для политического обеспечения его реализации. В подготовленном к 1 апреля британском варианте "пакта о согласии и сотрудничестве" предлагалось исключить из ст.3 упоминание о возможности неудачи конференции по разоружению и заявить о признании "плана Макдональда" практическим воплощением декларации 11 декабря 1932 г. /7,4—11; 330—223/.

Другой, нередко упускаемый из виду, аспект мартовской инициативы Великобритании состоял в создании "трех concentрических кругов" обеспечения безопасности. "Самый малый из них, наиболее узкий и тесный круг, тот, в который наша страна не намеревалась вступать; однако было бы целесообразно, чтобы некоторые из континентальных стран Европы заключили между собой соглашения для до-

— 55 —

полнительного обеспечения пактов ненападения и взаимной поддержки", — раскрывал британский замысел госсекретарь /1,278—1442/⁴³. Материалы правительственных ведомств не оставляют сомнений, что предложенная Форин Оффис формула означала британское благожелательное отношение к усилиям Франции по укреплению системы союзов на востоке для защиты статус-кво /187—7/. В начальный период переговоров о "пакте четырех" английское руководство стремилось не акцентировать внимание партнеров на этом положении части I британского проекта, однако само безусловно имело его в виду.

Таким образом, отчетливо обрисовалось стремление Лондона с помощью пакта четырех держав ограничить вооружения и амбиции новой Германии, предотвратить ее рывок к господству в Европе⁴⁴. Ближайшая же выгода поддержки идеи Муссолини в рамках британской политики баланса сил состояла в том, что она обещала складывание более устойчивой дипломатической конфигурации. Разъясняя Бенешу отношение к пакту своего правительства, Саймон подчеркивал, что накануне поездки в Рим "нам стало ясно, что существует определенный уровень сотрудничества между Германией и Италией при их прямом противостоянии Франции и ее друзьям" /11,5—107/. Английское правительство явно полагало, что сбли-

складывающихся европейских группировок или отдельных держав должны быть ограничены настолько, чтобы позволять Англии с минимальными издержками предотвращать господство одной из них на континенте /24—38-39/ (29).

⁴¹ Показательно, что на заседании правительства 15 марта часть его членов высказалась против выдвижения "плана Макдональда", опасаясь, что его жесткие условия дадут Германии предлог вторично покинуть конференцию по разоружению /179—754/.

⁴² В конце марта Генеральная комиссия приняла "план Макдональда" лишь в качестве "основы для последующей дискуссии". Единственным государством, его поддержавшим, оказалась Италия /370—544/ (несомненно, то была ее плата англичанам за подписание 20 марта римского коммюнике).

⁴³ Вторым кругом безопасности явилось бы сохранение членами Лиги Наций возлагаемых на них Уставом обязательств. Третий ("внешний") мог бы включить в себя все страны мира и соответственно содержал бы совершенно размытые обязательства /1,278—1442/.

⁴⁴ Это намерение Лондона, сквозившее в его поправках к проекту пакта, было своевременно понято германской дипломатией /311—78; 120—118; 336—224,236/.

жение Парижа и Рима при одновременном ослаблении итало-германской солидарности (что подразумевалось "пактом четырех") помогут сохранить европейское равновесие /1,276—617; 11,5—100/ (30).

— 56 —

К середине тридцатых годов возможности проведения Англией политики балансов были, однако, ограничены. Сохранение равновесия системы старыми средствами означало сдерживание Германии. Логика политики сдерживания требовала готовности поддержать направленные против Германии военно-политические союзы и, в конечном счете, примириться с восстановлением баланса войной. Опыт 1914 г. был свеж и побеждал англичан к переосмыслению всей предшествующей политики силы /233—18, 87—13.01.1934—53/. К тому же военно-техническая революция, стремительно повышавшая цену риска, заложенного в политике баланса сил, увеличивала масштабы и, следовательно, инерционность военного планирования⁴⁵. "Мы привыкли использовать свой вес, как только осознавали, что равновесие уже опасно поколеблено. Эта роль *deus ex machina* долее невозможна. Равновесия не будет, пока мы сами не возьмем на себя руководство его созданием и останемся постоянным его участником, — указывал еще в начале 20-х гг. влиятельный консерватор Э. Григг /134—93/⁴⁶. Голоса, по разным мотивам призывавшие страну расширить континентальные обязательства, как известно, раздавались и в 30-е годы. В этом пункте политика баланса сил вступала в прямое противоречие с другим фундаментальным — определенным имперской, хозяйственной, внутривластной структурами и психологическим состоянием британского общества — принципом. "Министры иностранных дел, неоднократно сменявшие друг друга, могли изменять форму своих высказываний,

— 57 —

но до пересмотра английской политики в марте 1939 г. существо их высказываний оставалось неизменным. "Ни один принцип английской политики не повторялся более часто, чем нежелание английского правительства брать на себя какие-либо новые обязательства в Европе, помимо тех, которые содержатся в Уставе Лиги Наций и в локальных соглашениях", — писал В.М.Джордан /215—251/. Таким образом, сохранение политики баланса сил в ее чистом или хотя бы предвоенном виде /338—186-187/ для Великобритании той эпохи было уже невозможно, а прямое участие в такой равновесии — еще невозможно.

С другой стороны, всеми социально-политическими силами Великобритании признавалась и недостаточность политики баланса сил для обеспечения подлинной безопасности. Курс, основанный на мышлении силовыми категориями, осуждался как недалёковидный (31). "Одно лишь сбережение мира было бы совершенно неадекватным и негативным выражением британской политики, — констатировал О.Чемберлен. — Мы желаем гораздо большего, чем сохранение мира. Мы хотим с помощью всех имеющихся в нашем распоряжении средств устранить источники напряженности..." /128—76/. Последняя связывалась преимущественно с сохранением Версальского диктата. В декабре 1931 г., легитимизируя сложившийся подход, правительство утвердило постулат, гласивший, что в споре о военно-политическом статусе Германии мораль и право — на ее стороне, а не на стороне Франции /263—341/⁴⁷.

— 58 —

Взаимодействие внешних императивов с внутренними условиями деятельности "национального правительства" приводило его лидеров к ценным компромиссным решениям как

⁴⁵ Неудивительно, что военные ведомства Англии никогда не разрабатывали планов осуществления локальных обязательств: готовиться к военным действиям против Германии на стороне Франции и против Франции на стороне Германии становилось попросту невозможным.

⁴⁶ См. также: /390—39/.

⁴⁷ Подразумевалось, что безопасность самой Франции может быть надежно обеспечена лишь при устранении ущемляющих интересы Германии ограничений.

наиболее надежные, на путь политики баланса интересов⁴⁸.

— 59 —

Эта тенденция проявилась в переговорах о "пакте четырех" достаточно заметно. "Без обеспечения мира безопасность невозможна", — напоминал британскую позицию Поль-Бонкуру премьер-министр в марте 1933 г. /11,4—553/. В послании Муссолини 31 марта он писал, что считает главной целью пакта четырех держав "устранение путем сотрудничества причин существующего страха, угрожающих расколоть европейские Державы на противостоящие блоки, что в конечном счете неминуемо приведет к войне" /11,5—124/ (32). Такое сотрудничество Лондон предполагал распространить на военно-политические, территориальные и экономические проблемы. Британские руководители не скрывали, что их чрезвычайно обнадеживает перспектива мирной ревизии трактатов 1919 г. на основе согласия и сотрудничества четырех держав /1,276—516-519/. Как того опасались страны Малой Антанты и Польша, английская дипломатия была готова обсудить изменения государственных границ в пользу Германии и Венгрии⁴⁹. Однако учитывая международную реакцию и протесты в палате общин, лидеры Англии были вынуждены отложить этот вопрос на будущее (33).

— 60 —

Согласование межгосударственных интересов, по мнению англичан, должно было затронуть прежде всего военные аспекты сосуществования. "Если мы не сделаем чего-нибудь, что могло бы рассматриваться как разумный план в направлении удовлетворения германского требования и равенстве, то создается опасность, что Германия осуществит его явочным порядком", — пояснял Д.Саймон свою озабоченность /257—349/.⁵⁰ Как отмечалось выше, "пакт четырех" рассматривался Англией в увязке с собственным проектом конвенции о разо-

⁴⁸ Используемый автором термин не относится к числу утвердившихся в отечественной и зарубежной литературе о международных отношениях тридцатых годов. Он, тем не менее, позволяет резче оттенить второе направление британской политики, отделяя его от политики баланса сил. Не менее важно, что, как отмечали многие историки, понятие "умиротворение" страдает расплывчатостью и эмоциональной заданностью.

П. Кеннеди характеризует политику умиротворения как "политику урегулирования международных споров путем признания и удовлетворения озабоченности другой стороны с помощью разумных переговоров и компромисса...". "Это по своей сути, — замечает он, — позитивная политика" /319—16/. При такой трактовке понятия "умиротворение" и "политика баланса интересов" взаимозаменяемы; определение Кеннеди принимается автором для второго из них. Под умиротворением же представляется целесообразным в виду, как предлагал К. Миддлмас, "политику принятия требований и жалоб Германии", причем проводящая ее сторона довольствуется в обмен на реальные уступки "лишь обещаниями "взаимопонимания" в будущем"/334—8/. Имея ряд общих черт с политикой баланса интересов, умиротворения явно противоречит ей.

Корни политики баланса интересов М. Джилберт прослеживает с 1914 г.; П. Кеннеди обнаруживает их в деятельности кабинетов Гладстона /319—20,21,26/. Некоторые авторы подчеркивают значимость для европейской политики Англии успешного опыта ее примиренческих усилий в Южной Африке после 1902 г., о чем напоминало присутствие в Лондоне высокого комиссара ЮАС бура Я. Смэтса /263—318; 139—228/. Большинство же историков считают ее истоками реакцию английского общества на насильнический Версальский мир. На наш взгляд, разногласия западных историков могут быть осмыслены как отражение процесса постепенного распространения принципа баланса интересов из области локального противостояния (т.е. уровня "узлов противоречий") на главный в межгосударственных отношениях центрсилового уровень. Заполнение частично образовавшегося на последнем вакуума (вследствие некоторого отступления политика баланса сил) произошло, вероятно, лишь после первой мировой войны.

⁴⁹ Подробнее см.: /330—180,282/.

⁵⁰ См. также: /179—753-754; 1,276—2818/.

ружении. Он был сконструирован английской делегацией в Женеве во главе с А. Иденом как синтез ранее внесенных участниками конференции предложений /1,281—44; 288—78; 370—543/. Осторожно ослабляя пути Версаля и намечая частичное разоружение соседей Германии, проект демонстрировал учет интересов всех сторон. К тому же, подчеркивал Д.Саймон в беседе с немецким послом Л. фон Хешем 7 апреля 1933 г., "вторая фраза ст. 3 британского проекта ("пакта четырех". – О.К.) содержит самую ценную уступку Германии, поскольку содержит признание того, что проект конвенции, недавно выдвинутый делегацией Соединенного королевства в Женеве, обеспечивает режим безопасности, могущий узаконить предоставление равноправия" /11,5—131,120-121/.

Британское правительство надеялось, что заключение пакта будет способствовать договоренности по финансовым проблемам при подготовке намеченной на июнь мировой экономической конференции в Лондоне /330—275; 311—28; 11,4—530,543/. Озабоченность ее результативностью может быть правильно оценена, если учесть, что представление об экономических противоречиях между странами как едва ли не главном источнике войн укоренилась в британском политическом мышлении /11,4—172/.

— 61 —

Итак, ухватившись за внесенное Италией предложение британское руководство стремилось реализовать с его помощью собственные – и весьма отличные от намерений Муссолини /311-8-23/ – задачи: удержание опасно заколебавшегося европейского равновесия и, одновременно, мирное решение сложившихся проблем на основе баланса межгосударственных интересов.

Европейская политика Англии строилась, таким образом, на двух различных основаниях. Она могла бы являться целостной, если бы политика баланса интересов была подчинена политике баланса сил, служила инструментом решения лишь локальных проблем международных отношений, т.е. соответствовало второму уровню их иерархии. Переговоры о "пакте четырех" показывают, однако, что принципом согласования интересов лидеры Великобритании руководствовались и в попытках решить основную проблему – проблему корректировки соотношения сил европейских держав, "распределения власти" между ними. Политика баланса интересов, следовательно, функционировала и на центросиловом уровне структуры отношений, которому традиционно соответствовала политика баланса сил. Конкуренция между двумя составляющими британского внешнеполитического курса становилась объективно неизбежной⁵¹. Вопрос о нахождении правильного их соотношения в деятельности правительства встал уже на начальном этапе переговоров о пакте четырех держав.

Объясняя парламенту 23 марта мотивы поддержки кабинетом предложения Муссолини, Дж.-Р. Макдональд сделал отчетливый акцент на необходимости ревизии договоров. Он столкнулся с серьезной оппозицией. Неожиданно для большинства лейбористская фракция сосредоточилась на доказательство недопустимости уступок Германии, нереальности сотрудничества с теми, "кто уже растоптал демократию".

— 62 —

Отвергнув возможность осуществления в ближайшее время своих любимых идей – разоружения и ревизии договоров – лейбористы заговорили языком силовой политики⁵² /1,276-565,522-523,612-613, 2742-2746 и др./ "...Важнейшим условием разоружения является безопасность...", – заявил заместитель лидера партии К. Эттли при возобновлении дебатов 13 апреля /1,276–2746/.

На этот раз критический подход к линии правительства разделяли видные консерва-

⁵¹ См. также: /390-168/.

⁵² "Правительство и Оппозиция внезапно поменялись местами", – отметил К.Ярауш /311–81/. Главная причина этого заключалась во внутриполитических событиях в Германии. См.: /1,276-563; 83–1933,5-6—220-223/.

торы – О.Чемберлен, генерал Спизэрс, У.Черчилль⁵³. Складывалось единодушное мнение в отрицании любых серьезных уступок Германии в рамках "пакта четырех", пока она не продемонстрирует изменение образа мыслей /1,276–2775,2777/. Болдуин не сдерживал ораторов своей партии и не вступил за Макдональда и Саймона.

Апрельские дебаты в палате общин вызвали оживленные комментарии в европейских столицах и были учтены и умело использованы британским кабинетом. Поначалу сдержанно приветствовавшее британскую и итальянскую инициативы правительство Гитлера с начала апреля встало на путь создания препятствий заключению конвенции /311–74-75; 33,7–378-379/⁵⁴. Правительство оказалось заинтересованным

— 63 —

в корректировке курса, сумев при этом извлечь максимум выгод из осуждения поведения немцев общественным мнением.

Высшее политическое руководство отклоняло предложения видных сотрудников Форин Офиса временно отказаться от поиска компромиссов с Берлином и любыми средствами остановить процесс одностороннего перевооружения. Не отказываясь от линии баланса интересов, Лондон вынужден был признать: "это не та Германия, которой мы можем позволить себе идти на уступки" и ужесточить подход к ней /311–82; 1,276–2758-2759/. Основные усилия были направлены на то, чтобы заставить немцев осознать пагубность воинственной политики для интересов самой Германии (35). Тактика проведения политики баланса интересов на этом этапе делала ее внешне почти неотличимой от политики баланса сил. Кажется, последняя вышла на первый план и даже приобрела самодовлеющее значение во внешнеполитической деятельности Великобритании к лету 1933 г. Эта демонстрация силового подхода была, однако, лишена внутренней убедительности.

Было очевидно, что не военные, ни внутривнутриполитические возможности британского кабинета не позволят без самой крайней необходимости предпринять те санкции, которыми угрожал Берлину военный министр /370–548/. Эффективность политики баланса сил, сдерживания Германии при наличных объективных условиях зависела от того, насколько прочно она, наряду с политикой баланса интересов, будет интегрирована в концепцию коллективной безопасности.

Концепция коллективной безопасности, признанная Ковенантом /ст. 8/, представляла собой универсальный принцип: она соединяла в единое целое коллективные санкции против нарушителей мира /ст. 16/ и мирное урегулирование споров всеми заинтересованными сторонами /ст. 19/, уважение к государственному суверенитету и правам международного сообщества. Механизм коллективной безопасности

— 64 —

к началу тридцатых годов, как известно, был создан лишь вчерне, не прошел подлинной проверки и страдал (в особенности после ухода Японии из Лиги нации в феврале 1933 г.) от отсутствия практической универсальности. Ведущие деятели. Великобритании не упускали случая указать на эти обстоятельства /142,2–50/, полагая, что несовершенства и далее пороки международного правового и политического механизма оправдывают их отношение к Лиге" и выражаемой ею идее коллективной безопасности. Как показали исследования последних десятилетий, хотя оно было неоднозначным, в среде консерваторов господствовала неприязнь к Лиге Наций – чуждому их социальной философии институту /164–386; 366–36-38; 317–253/. Хорошим тоном считалось иронизировать над переполненным чайными чашками и машинистками Храмом мира /127–159/. Заявляя о приверженности Лиге, государственные деятели, как правило, лишь платили дань британского членства в Международной организа-

⁵³ У.Черчилль выступил с осуждением позиции правительства еще 20 марта. Подробнее об этом см.: /146–469-470/.

⁵⁴ Поворот в отношении Берлина к "плану Макдональда" и в особенности "пакту четырех" советские и зарубежные историки связывают главным образом с поправками, которые внесли в проект последнего Англия и Франция /251–214-215;311–117-118, 292–236/.

ции либо уступали популярным массовым стереотипам /366–37/. Даже вступивший из партийных побуждений в исполком Союза Лиги наций О. Чемберлен /369–137/ или А. Идеи, для которого Женева стала трамплином всей последующей карьеры, в те годы последовательно трактовали Лигу Наций как механизм консультации и примирения, отмежевываясь до лета 1935 г. от попыток лейбористских и некоторых правых (лорд Сесил, с лета 1934 г. У. Черчилль) политиков дополнить казенную версию коллективной безопасности признанием необходимости объединения сил против любого агрессора /366-59-51; 38-25; 20-52,55-57/.

Не был сделан Англией шаг в этом направлении и при обсуждении пакта о согласии и сотрудничестве. Разумеется, утверждение председателя Союза Лиги Наций лорда Сесила, что преследовавшиеся • Англией при подготовке "пакта четыре" (и "сами по себе замечательные")

— 65 —

цели легко могли быть достигнуты с помощью аппарата Лиги, наивно /32–245/. Весьма преувеличенными были и адресованные правительству обвинения в попытке заменить Ассамблею и Совет Лиги наций директоратом четырех держав /53–454/.

Проблема заключалась в том, что предлагаемая Лондоном увязка пакта с решениями Лиги нации лишь воспроизводила сложившееся ранее отношение правящих кругов к коллективной безопасности /1,276–516-517, 2749; 28–19-2820; 11,5–244-245; 311–51/⁵⁵. Коллективная безопасность виделась во многих случаях удобным, но не обязательным лозунгом, менее всего – способом практического соединения двух главных и расходящихся направлений собственной внешней политики. Прагматичный и избирательный подход к концепции коллективной безопасности лишал британское руководство средства придать своим действиям в Европе внутреннюю слитность, убедительность для противников и друзей, обеспечить устойчивую поддержку общественного мнения страны и континентальных государств (36). Он во многом объяснялся уже отмеченным нежеланием идти на расширение английских обстоятельств (т. е. на конкретизацию и усиление обязательств члена Лиги по статье 16) (37) и уступить растущей идеологизации международных отношений (идея коллективной безопасности, как известно, отвергалась Муссолини и Гитлером) /390–28-30/⁵⁶. Фетишизируя здравый смысл и интуицию в ущерб ясной концепции, конкретный подход к возможным

— 66 —

конфликтам – международному праву во всей его полноте (38), английское руководство явно предпочитало роль арбитра полнокровному участию в зародившейся системе коллективной безопасности⁵⁷. Ощущая необходимость интеграции внешнеполитической деятельности, оно воспринимало ее как внешнюю, прежде всего франко-германскую проблему, а не собственную – британскую. Это отразилось в заявлениях Д. Саймона и министра по делам лиги нации А. Идена о том, что сущность переживаемых трудностей – в согласовании французского требования безопасности и германского – о равноправии /1,279–127; 1,281–58/. Между тем, в неменьшей степени эта сущность заключалась в проведении Великобританией двуликой политической линии, отсутствии органичной координации политики баланса сил с политикой баланса интересов. Общий курс складывался в зависимости от конъюнктуры и в недостаточной степени мог формировать ее.

В середине мая 1933 г. усилия Великобритании (которая влияла на Берлин как непосредственно, так и через Италию) были вознаграждены заявлением Гитлера в рейхстаге:

⁵⁵ Вероятно, именно это имел в виду К. Ярауш, называя "пакт четырех" "попыткой ответить на возродившуюся военную угрозу средствами дипломатии XIX века" /311–5/. См. также: /310–244/.

⁵⁶ Если мы желаем сотрудничества, то должны верить словам тем, с кем намерены его осуществлять, доказывал Макдональд целесообразность следовать четкой правовой установке в отношении Германии в апреле 1933 г. /1,276–2754/.

⁵⁷ См.: /337-265-269; 1,281–61/. Применительно к переговорам о "пакте четырех" см.: /11,5–100; 70–162-163/.

Германия приняла основные положения "плана Макдональда". 7 июня Генеральная комиссия утвердила его как основу будущей конвенции /288–87/. Главное для Англии препятствие к заключению пакта четырех держав было преодолено⁵⁸. В тот же день итоговый текст пакта был парафирован (а 15 июля - подписан) в Риме. Выхолощенный усилиями Франции (которым англичане не препятствовали), он, хотя и обещал Германии сотрудничество трех остальных держав в рассмотрении ее требований, но избегал

— 67 —

детализации и по существу подтверждал необходимость соблюдения новым германским ранее принятых международных обязательств страны (39). Окончательный вариант, пакта о согласии и сотрудничестве в небольшой степени отражал общие замыслы британских политиков, в частности, британский проект конвенции о вооружениях в нем даже не упоминался /7,4–21/. Попытки использовать его в качестве инструмента решения германской проблемы летом-осенью 1933 г. были тщетны (40). Они подтвердили прогнозы профессионалов Форин Офис, предупреждавших еще весной, что единственным реальным результатом пакта может оказаться франко-итальянское сближение. Постоянный заместитель госсекретаря Р. Ванситтарт иронизировал над "латинским методов передвижения" – ставить телегу впереди лошади или заключать "пакт четырех" для сближения двоих, что не мешало английской дипломатии всячески поощрять этот процесс /53–479; 11,5–100; 478–479, 485–486, 566, 629/. В начале августа замещавший государственного секретаря Ванситтарт предложил кабинету закрепить сдвиг в британской политике и признать, что сотрудничество Англии, Италии и Франции должно рассматриваться как "единственный реальный оплот мира, пока Германия, умерив вызов существующему в Европе порядку, не позволит применить инструментарий пакта четырех держав" /11,5–559/. Руководство предпочло выжидание /53-4-82/.

В начале октября 1933 г. три высших руководителя правительственного аппарата (Хэнки, Фишер и Ванситтарт) предупредили кабинет, что Берлин в скором времени открыто нарушит законные военные ограничения /180–742/. Отличавшийся особенно сдержанным отношением к силовой политике Макдональд с сентября ожидал разрыва Германии с конференцией по разоружению /15,1933, 1–272/. Болдуин и Саймон не слишком считались с такой возможностью (41). Передав в конце сентября роль посредника на возобновившихся переговорах

— 68 —

статс-секретарю МИД Италии, англичане предпочли "сохранить жесткую позицию в отношении рейха. В ответ на германскую ноту от 6 октября. о неприемлемости испытательного периода государственный секретарь упрекнул Берлин в нелояльном отношении к партнерам /11,5–671-673/. Поддержанный всеми членами Бюро конференции Д. Саймон внес 14 октября предложение удлинить сроки осуществления "плана Макдональда" и соответственно – частичной ремилитаризации Германии до восьми лет /217–224/. Его речь была составлена очень умело, вспоминал один из руководителей аппарата конференции, "но и искуснейшая дипломатия была отныне бесполезна" /370–550/. 14 октября Германия покинула конференцию по разоружению, через пять дней известила о прекращении своего членства в Лиге наций"⁵⁹. Эти шаги оказались смертельными для переживавшего затяжную агонию Пакта согласия и сотрудничества. Готовое поставить пакт на ратификацию, французское правительство отказалось от своего намерения и даже Муссолини не высказал желания возобновить переговоры с Германией в рамках "пакта четырех" /311–214-215; 330–290; 268–207/. Английское правительство отказалось от идеи председателя конференции А.Гендерсона продолжить ее работу без Германии (к чему поначалу склонялась и Франция), но не предпринято никаких усилий

⁵⁸ Правительство Англии "было более заинтересовано в заключении соглашения, чем в его точной форме" /311–118/. См. также: /179–755; 5–353/.

⁵⁹ Основную вину за создание невыносимых для него условий в Женеве германское руководство возлагало именно на Великобританию, что побудило государственного секретаря вступить с ним в публичную полемику /11,5–680, 692-694, 699/.

по реанимированию пакта четырех держав /288–99-100; 11,5–678, 681, 700-701/.

Взаимопересечение внутренних императивов деятельности правительства с процессом деградации Версальской системы определяло проведение Англией сложной внешней политики на континенте. Кризис

— 69 —

межгосударственной системы, развертывавшийся на крайне тревожном социальном фоне, порождался как изменением соотношения сил ее главных участников, так и затягиванием локальных узлов противоречий (преимущественно в отношениях Германии и ее соседей), вел к расшатыванию международно-правовой структуры. Таким образом, он охватывал все три уровня структуры межгосударственной}: отношений, для того, чтобы справиться с ним, Лондон стремился использовать все свои возможности и весь накопленный политический опыт.

Для сохранения основ европейской стабильности (т.е. на главном – центрсиловом уровне структуры) Великобритания, как и прежде, использовала ориентированную на недопущение гегемонии какой-либо группы держав политику баланса сил. В межвоенный период она, однако, признавалась Англией как чрезмерно рискованной, так и недостаточной для прочного мира. Бескомпромиссное следование принципу баланса сил могло, по мнению британского руководства, привести к катастрофическим для страны и мира последствиям. Оно пыталось преодолеть возникшее затруднение с помощью принципа достижения баланса интересов между государствами. Соответствовавшая ранее второму уровню иерархии межгосударственной структуры линия на поиск компромисса между национально-государственными интересами потеснила традиционную политику баланса сил. Как показали переговоры о пакте четырех, Лондон фактически в равной степени руководствовался принципами баланса сил и баланса интересов. Такой подход (назовем его политикой балансов) был вполне реалистичен и оправдан, однако порождая новые трудности.

Соотношение двух политических ориентации в деятельности правительства Англии зависело от обстановки внутри страны и сдвигов в международной ситуации. Это неизбежно подрывало целостность политики страны. Выход мог быть найден в признании идеи коллективной

— 70 —

безопасности основой внешнеполитической стратегии. Однако противоречивое отношение к ней, преобладание прагматичного и в конечном счете эгоистического подхода к Лиге нации и олицетворяет мой ею концепции коллективной безопасности вел к тому, что политика баланса сил и политика баланса интересов оказывалась не только взаимодополняющими, но и противоречащими друг другу. Особенно отчетливо это проявилось в германском вопросе. Внешняя политика Великобритании лишалась тем самым внутренней силы и доверия партнеров, которые вынуждены были учитывать неустойчивость линии Лондона, значительную амплитуду ее колебаний. Это не только снижало эффективность британских усилий, но мешало стабилизации в Европе.

Отмеченная особенность британской политики являлась одной из причин, сделавших невозможным приближение к общеевропейскому урегулированию как на разоруженческих переговорах, так к с помощью пакта четырех держав. Летом 1933 г. Великобритания получила вовсе не то соглашение, на которое рассчитывала в марте, а осенью 1933 г. вместе с надеждами на скорое подписание конвенции о вооружениях утратило силу даже оно. Эволюция британского подхода от преобладания черт политики баланса интересов к сдерживанию Германии в марте-октябре 1933 г. и немалые усилия Форин Офис не дали результатов. Обстановка в Европе ухудшилась. Разрыв потенциального противника с институтами, в рамках которых Лондон намеревался решать проблемы безопасности и равноправия в вооружениях, ставил под сомнение дальнейшие перспективы урегулирования. В немалой степени они зависели от способности кабинета Макдональда-Болдуина извлечь уроки из краха первой крупной попытки после провозглашения "Третьей империи" достичь европейского урегулирования.